

МАКСИМ СЛЮСАРЕВ

СКАЗКА СЕРДЦА

Город осколков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С49

Автор выражает благодарность Екатерине Комаровой,
Алексею Барынину, Дмитрию Музалеву, Евгению Хате,
Владимиру Шевелеву, Тимофею Самсонову, Игорю Ирбитскому,
Даше Утке, Петру Маркину, Филиппу Трумпокаису
за помощь в подготовке книги.

сказкасердца.рф

Слюсарев М.

С49 Сказка Сердца : Часть первая : Город осколков / Максим Слюсарев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — (Серия «Пальмира — фантастика»).

ISBN 978-5-517-10742-8 (общий)

Часть 1. — 449 с.

ISBN 978-5-517-10677-3 (ч. 1)

Фантастический роман Максима Слюсарева «Сказка Сердца» — история о планете с огромным бьющимся Сердцем, каждый удар которого порождал прекрасных существ. С одним из ударов на планете появились люди. Желая защитить Сердце, они окружили его стеной, за которой вырос Город, а потом и вовсе закрыли Сердце металлическим кожухом. Чудеса перестали происходить, Сердце увядало. Его осколками люди оживляли свои армии и вели войну за право называться защитниками Сердца...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-10677-3 (ч. 1)
ISBN 978-5-517-10742-8 (общий)

© Слюсарев М. А., 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

ВСТУПЛЕНИЕ

Где-то далеко была планета. На её поверхности билось большое настоящее Сердце. И с каждым его ударом рождалось множество существ, красивых и свободных. С одним из ударов среди них появились люди. Сначала они жили беззаботно и счастливо. Но потом испугались, что с Сердцем может что-то случиться, и построили вокруг него забор. Строить им помогали куклы, которые оживали силой Сердца в руках мастеров. Они возвели заграждение чуть повыше, потом ещё выше — и вот уже вокруг их источника жизни стояла огромная стена, за которой рос Город.

Шло время, и люди стали бороться друг с другом за право защищать Сердце. Они подчинили себе остальных существ. Одна власть сменяла другую, люди воевали и строили себе в помощь смертоносные механизмы. Настал тот день, когда они полностью закрыли источник огромным металлическим кожухом, назвав его Храмом Сердца, и чудеса перестали происходить. Куклы больше не оживали сами, огромные краны и военные машины не работали, и «защитники» не нашли ничего лучше, чем откалывать от Сердца куски, чтобы оживить свои армии. Город продолжил расти.

А Сердце — увядать. Его осколков уже не хватало, крупных осталось всего несколько штук. Город достал до неба и стоял громадой посреди пустыни, в которую превратились когда-то цветущие равнины. Сердце могло лишь качать чёрный дым, наполняя его своим дыханием. Этим дымом заправлялись тёмные создания, руками которых люди продолжали свою войну за право называться защитниками Сердца.

Тут и начинается наша история.

ГЛАВА 1

Кисть цвета апельсиновой корки окрасила южные вершины Дворца Узурпатора и, торопясь, побежала вниз, в жилые кварталы, где на шпилях ещё покоилась исчезающая прохлада ночного тумана. Отражаясь в открытых окнах и заполняя арочные своды, она перепрыгивала с вывесок на жестяные трубы и флаги большого рынка. Будто пробуя на вкус другие цвета и оттенки, она преломилась в мозаиках Старого Квартала и наконец добралась до задних дворов нижнего яруса, редкими каплями упав на лежавший в Переулке Слепых труп.

— Почему именно мы должны убирать мертвецов? — нахмурился толстый стражник. — Сегодня же не наша очередь.

Его высокий худощавый коллега не подал виду, что услышал товарища. Он продолжал изучать листок, взятый из рук мертвеца, и пробормотал себе под нос:

— Это же страница из запрещённой книги...

— Из книги? — удивлённо произнёс толстяк, поднимаясь на носках, чтобы заглянуть в руки своего длинного коллеги.

— Зелье обращения воли, — прочитал длинный стражник.

— Да здесь же написано непонятными еретическими закорючками.

— Болван, тут перевод карандашом на полях.

— Ой, не нравится мне это, Ручи, — закрыл глаза толстяк, — не приведи Сердце, кто-то узнает, что ты эту дрянь в руках держал.

— Поэтому и надо от него скорее избавиться, — кивнул длинный. — Бери за ноги, Блоп, понесли к каналу.

Опережая стражников, редкие капли света добрались до когда-то красной двери на углу канала и Переулка Слепых и упали в комнату, больше напоминающую склад механика. Луч окрасил парящие над старой деревянной кроватью пылинки, отпрыгнул от медной трубы и приземлился в забрало куклы, висевшей на старом крюке у двери. Мерцанием пробежался по вешалкам и пряжкам рабочих поясов, окрасив стальные пружины. Ненадолго заблудился в нескольких стеклянных колбах и оказался прямо в глазу магистра — младшего техника Вульфи.

Галахад Вульфи, слывший легендой среди всего Магистра-та, сел на кровать, широко зевнул беззубым ртом и провёл рукой по лысине — она протянулась от большого морщинистого лба к макушке, обрамлённой седым частоколом волос. Полу-прикрытые тяжёлыми веками глаза окинули комнату и поймали своё отражение в пузатой колбе, разбухшей на столе. Магистр тут же скорчил себе рожу.

— Допфое утфо! — прошамкал он и бросил взгляд на куклу, висящую на стене.

Но она ничего не ответила.

Галахад решительно стряхнул вновь накатившую дрему, разогнав застывшую было пыль, крякнул и соскочил с кровати на дощатый пол. Потом несколько раз присел и потянул мышцы рук и ног, протяжно зевнув.

За окном зашумело, зашелестело и пахнуло специями, а Вульфи уже хлопнул дверью и заскрипел ступенями, спускаясь на первый этаж по хилой деревянной лестнице, прогибавшейся даже под его стариковским весом. В маленькой ванной застучала о металлическое корыто вода. «Хм... Скажи мне, дорогой магистр Вульфи, сколько-сколько голов отрубил Саммариус?» — спросил он ехидным голосом, поправляя с трудом вставленную челюсть и направляясь на кухню.

— Две тысячи сорок две... Я ещё раз могу тебе повторить. Две тысячи сорок две, — мрачно ответил он себе печальным тоном, ставя на плиту вчерашнюю кашу.

«Напомни, сколько там среди них было младших техников?» — снова уточнил ехидный голос, включая газовую горелку, мгновенно раскалившую чугунную кастрюлю.

— Ни одного, — грустно констатировал печальный, зачерпывая кашу и наливая её в тарелку.

«А старших техников?»

— Пять.

«А управляющих?»

— Двенадцать.

— «А мастеров?»

— Хочу спать, — неожиданно вставил магистр, усаживаясь за металлический стол.

«Не перебивай!» — разозлился ехидный. «Семьдесят один», — продолжил грустный, дуя на ложку.

— Да у вас, дорогой Галахад, врождённые способности к счёту и отличная память на мертвецов! — рассмеялся магистр и засунул ложку в рот.

Почувствовав приступ тошноты, он зажмурился, сделал над собой усилие и заставил себя проглотить кашу. Вынув ложку изо рта, он поморщился, положил её на край тарелки и продолжил спор:

— Да, мне хорошо и так. Врождённые способности, хорошее положение, уважение, почёт.

«Как и у Альфи».

— Альфи бы никогда не позволил себе гнить в этой дыре.

«Вот Альфи-то как раз и не повезло, а тебе повезло». — «Он жив, а ты нет». — «Нет, это ты жив, а он нет». — «А это жизнь?» — «А что, по-твоему, жизнь?»

— А не пора бы вам всем заткнуться! — рассерженно стукнул ложкой магистр и опустил глаза на треснувшую тарелку.

Редкий в этих краях утренний свет уже безвозвратно удался по своим делам, и на маленьких набережных канала снова сгушался сумрак. Только где-то наверху сушился вместе с бельём на раскинутых паутиной верёвках и электрических

проводах далёкий отсвет палящего на верхних ярусах солнца. Влекомые безнаказанностью полутьмы, из узкого Переулка Слепых показались двое городских стражников и потащили мимо соревнующихся в незаметности дверей безжизненное тело. Они остановились возле груды мусора, перевели дух и неуклюже спихнули в воду свою ношу, перевалив её через маленькую ступеньку, отделявшую каменную мостовую от бегущего потока.

Тот, что повыше, присел на корточки, опёрся на ружье, выругался и, обращаясь к тёмной воде, произнёс:

— Тяжёлый, зараза.

— Иногда мне кажется, что мы с тобой жуки, ну те, что... дерьмо собирают, — ответил тот, что потолще, разглядывая верхние этажи, обнажившие свои канализационные трубы, которые, нависая и пытая вентилями, грозились придавить собой набережную.

Высокий сплюнул в тёмную воду:

— Дурак, они строят из него дом, а наше дело — избавляться.

— Одни луны знают, чем кончается этот сток, поэтому мы вполне можем укреплять своими действиями фундамент рынка, — парировал довольный собой толстяк.

— Ты идиот, Блоп.

— Нет, дорогой Ручи, я романтик. — Он разглядывал свою каску, надетую на руку, и, надув пухлые губы, вдохновлённо продолжал: — Мне хочется всю нашу... обыденную жизнь... хоть немного превратить в праздник. Что я и делаю по мере сил.

С противоположной стороны мусорной кучи, в опилках у дома резчика, раздались булькающий звук и стук удаляющихся деревянных башмаков. Высокий стражник, повинуясь инстинкту, резко встал и пригляделся. Толстяк выглянул из-за его спины:

— Живой?

— Да нет, — раздражённо дёрнул плечом высокий, — это рыбак. Только пятки сверкают. Я знаю его жену, она торгует здесь на базаре всяким скарбом с верхних ярусов. «Улов с верхов»... Теперь понятно, откуда она его берёт. — Он подошёл

к старому холщовому мешку на другой стороне кучи и приподнял его: — Смотри.

Под ним был мятый серебряный кувшин.

— Довольно старый. — Глаза тут же возникшего рядом толстяка заблестели.

— Да, но, если не отнесём кузнецу, дадут только на вес, — отрешённо ответил высокий, всё ещё вглядываясь в переулок, где исчезла тень рыбака, и после паузы подытожил: — Надо бы потолковать с этим малым.

— Зачем? — удивился Блоп.

Ручи посмотрел на толстяка с презрением и жалостью:

— Как ты там назвал себя? Романтик? Нет, Блоп, ты просто дурак.

И с этими словами высокий подцепил на ствол ружья тонкую ручку кувшина и двинулся в переулок.

— Почему же дурак? Руч, я тебя не понимаю. Постой!

Толстый поспешил за ним. Долго ещё было слышно эхо их спора, потонувшего в шуме рынка и завывании труб. К нему чутко прислушивалась, подрагивая усиками, с трудом выползшая на мостовую мышь, скрывавшаяся всё это время в дырявом сапоге рядом с мусорной кучей.

Мимо проплыли заблудившиеся складки тумана и прятавшийся в них кораблик, сложенный из долговых обязательств матери двоих детей, чей дом был выше по течению.

Тогда-то красная дверь на углу набережной и Переулка Слепых отворилась и заскрипела, зашпорив с завываниями протяжного мужского баритона, забредшего сюда откуда-то с верхних этажей общежития Магистрата, поднимавшихся до самых верхних ярусов. И мало кто в Магистрате помнил, что его питавшиеся влагой корни были здесь, в полусонной тьме канала.

Крякнула редкая в этих краях птица, и магистр младший техник Галахад Вульф в длинном сером дождевом плаще с капюшоном и с холщовым рюкзаком за спиной с трудом вылез из забитого запчастями помещения, где он проживал, и аккуратно прикрыл за собой дверь.